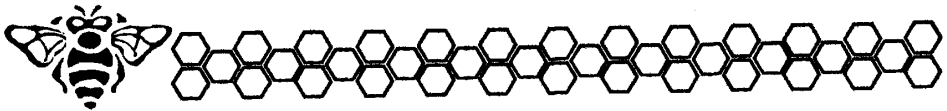

STUDIA HISTORICA

Mona Ozouf

La fête
révolutionnaire

1789—1799

Gallimard

Мона Озуф

Революционный праздник

1789—1799

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2003

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия.

Озуф Мона

О 46 Революционный праздник: 1789—1799 / Пер. с фр. Е. Э. Ляминой. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 416 с., ил., табл., вклейка после с. 352. — (Studia Historica).

ISBN 5-94457-126-8

Монография Моны Озуф «Революционный праздник» — характерный пример так называемого «пионерского исследования». В нем уже в 1976 году (год его первой публикации) проявились тенденции, и по сей день актуальные и высоко ценимые в исторической науке: интерес к повседневной жизни и ее «ритуалам»; исследование политики как церемониала и революции как антропологического феномена; выяснение взаимосвязи между идеологическими императивами и конструированием утопических пространственно-временных моделей. Выстроенная на широком круге источников, в том числе на архивных документах и прессе революционных лет, сочетающая глубину обобщений и исторических афоризмов с тонкой конкретикой наблюдения, эта книга стала событием как во Франции, так и за рубежом, во многом изменила представления о Французской революции, предложив новаторские пути ее изучения.

ББК 63.3(0)52

В оформлении переплета использован фрагмент картины неизвестного художника французской школы XVIII века «Посадка „дерева Свободы“ в присутствии мэра и национальных гвардейцев под аккомпанемент местного оркестра» (гуашь).

Озуф Мона

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРАЗДНИК: 1789—1799

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета
Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Корректор Л. Липова

Оригинал-макет подготовил А. Охотин

Подписано в печать 20.03.2003. Формат 70 × 100^{1/16}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. печ. л. 33,54. Заказ № 2872.

Издательство «Языки славянской культуры»

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

© Е. Э. Лямина. Перевод на рус. яз., 2003.

ISBN 5-94457-126-8

9 785944 571267

Оглавление

Введение	7
Глава первая. История революционного праздника	24
Революция как праздник	26
История праздников, история сект	35
Скука и отвращение	43
Глава вторая. Праздник Федерации: модель и способы ее реализации	51
Мятеж и праздник: дикие федерации	56
Федеративные праздники	59
Парижская федерация	63
Новый праздник?	71
Праздник всех французов?	76
Глава третья. 1792: надпартийный праздник	86
Норма и исключение	87
Праздники-антагонисты?	93
Единство трагедии	109
Глава четвертая. 1793—1794: насмешка и революция	116
Другой праздник	118
Где, когда, вместе с кем?	126
Разумный Разум	134
Насилие и праздник	142
Глава пятая. 1794—1799: назад к Просвещению	146
«Счастливая нация»	152
Система 3 брюмера IV года	163
Глава шестая. Праздник и пространство	175
Пространство без свойств	176
Символические вехи пространства	185
Обновление церемониального пространства: праздники в Кане....	192
Сопротивление Парижа	207
Пространство—время революции	214
Глава седьмая. Праздник и время	221
Начинать	223
Распределять	226

Чтить память	232
Завершать	261
Глава восьмая. Будущее праздника: праздник и педагогика	275
«Школы для взрослых»	276
Власть образов	282
О разумном использовании образов	285
Ничто не разумеется само собой	296
Глава девятая. Народная жизнь и революционный праздник	304
Постыдная этнология	305
История одной неудачи	314
Революционная символика и крестьянская традиция	327
Дикое майское дерево	329
Дерево-наставник	344
От майского шеста к дереву	355
Разрыв	363
Глава десятая. Революционный праздник:	
перенос сакральности	371
Ужас перед пустотой	377
Смысл заимствований	383
О смысле ограничения	392
Приложение. Краткий календарь революционных событий	398
Указатель географических названий	404
Указатель имен	410

Введение

Мы привыкли с печальным вздохом говорить: «Праздников больше нет!» На то же сетовал и XVIII век. Его жалобы по этому поводу так разнообразны и настойчивы, что у исследователя, пытающегося предложить свою классификацию праздников, опускаются руки. Но праздник празднику рознь. Династические, религиозные, народные торжества, празднества гильдий и корпораций — весь этот пестрый хаос едва ли позволяет говорить о «традиционном празднике» вообще. Однако мы все-таки употребляем здесь единственное число, ибо праздники были окружены всеобщим осуждением. Традиционный праздник — образ негативный; люди просвещенные взирали на него неприязненно или равнодушно, находясь, подобно нам, в уверенности, что подлинный вкус праздника утрачен.

Но если XVIII столетие полагало, что праздничного веселья нынче не встретишь, то причиной тому был как раз избыток праздников. Их преизобилие, а не сегодняшней недостаток — вот что вызывало уныние людей той эпохи. По сведениям Никола де Ла Мара, в Париже отмечалось тридцать два праздника; к ним следует прибавить еще пятьдесят два воскресенья. На таком фоне отмена некоторых торжеств кажется мерой весьма робкой. Заветное слово «ограничение» (*retranchement*) красной нитью проходит через все столетие и запечатлевается в наказах третьего сословия. Частота его употребления продиктована соображениями экономической целесообразности. Именно она с презрением отвергает бесконечную череду, где мелькают праздники придворные и сословные, процессии ректоров, шествия ремесленников (ибо все они суть побег одного дерева — «присущей нам склонности к безделью»¹). Она заставляет подсчитывать, и зачастую с большой точностью, убытки, в которые сей бич ввергает страну; этим выкладкам уделял пристальное внимание Монтескье. Протестантизм и тот позволяет сэкономить пятьдесят рабочих дней в году. Так стоит ли удивляться, что «протестантская торговля» успешно конкурирует с «торговлей католической»?²

¹ *Faiguet de Villeneuve, L'Ami des Pauvres, ou l'Econome politique. Paris: Moreau, 1766.*

² *Montesquieu, De l'Esprit des lois. Genève: Barrillot et fils, 1748.*

Из этого утверждения рождается лавина проектов: их авторы предлагали переносить праздники на ближайшее к ним воскресенье или даже выходить в эти дни на работу после мессы и проповеди³. Таким образом можно было бы воздать должное как труду, так и отдыху и, славя Бога, сжимать в руке серп. Пусть святые сердятся — что с того? XVIII век сделал этот смелый шаг задолго до якобинских неистовств, задолго до того, как Шарль Виллет осмелился утверждать, что интересы святых противоречат интересам народов⁴.

С другой стороны, сосредоточенность на полезных занятиях есть «мать невинности». Из этой максимы аббата де Сен-Пьера, повторявшейся на протяжении целого столетия и наконец опостылевшей, вырос замысел освободить воскресный день от попок, азартных игр, женщин, глупых выходов. Ненависть к расточительству смешивается здесь со страхом перед стихийной, не поддающейся контролю составляющей праздников. Экономический рационализм изъясняется языком моральной и религиозной проповеди: «святые дни, отведенные благочестивым помыслам», на практике выливаются в пьянство, разнузданность, «ужаснейшие драки» или, еще хуже, убийства. На сцене праздника никогда не появляется «воображаемый» народ — сладкая греза просвещенных умов, не покидающая их вплоть до Революции, которая обходится с этой мечтой, как с явью. Праздники — это беспорядок, неприличие, смешение полов и ролей; бал здесь правят ночная тьма и вино. Иначе говоря, все, что, словно в ящике Пандоры, скрыто в слове «разгул». Постоянное употребление этого слова, удобного и степенного, свидетельствует о своего рода сговоре: обличая «разгул», энциклопедисты, не раздумывая, ставят рядом доводы властей церковных, которым тоже была близка идея «ограничения», и властей гражданских, всегда склонных видеть в праздничном стечении людей подозрительную толпу, куда легко затесаться всякому сброду⁵ и где в любое мгно-

³ *Abbé de Saint-Pierre, Ouvres politiques*. Rotterdam, 1734: «Если бы епископы, составлявшие первые правила о запрете работать в праздничные дни, увидели нынешние увеселительные и игорные заведения, если бы они могли знать, какие бесчинства и беспорядки возникнут от праздности и отсутствия привычных занятий, они ограничились бы предписанием о присутствии на литургии и утренних пастырских наставлениях».

⁴ *Marquis de Villette, Lettres choisies sur les principaux événements de la Révolution*. Paris: Clousier, 1792.

⁵ См. об этом: *J.-Y. Ribault, Divertissement populaire et turbulence sociale: les fêtes baladoires dans la région de Thaumiers au XVIIIe siècle // Cahiers archéologiques et historiques du Berry*, 1967.

вание может вспыхнуть драка; толпу, так или иначе обязательно наносящую оскорбление религии, государству или нравственности.

И все же праздники окутывают славой и красотой голый остов бытия; нельзя не удивляться тому, что в глазах людей XVIII века ослепительный блеск торжества уже не может служить его оправданием. Столетие, которое завершится яркой вспышкой великолепия, началось с неприязни к нему. Чтобы наслаждаться праздничным костюмированным представлением, необходимо на время забыть о себе, всецело погрузиться в происходящее на сцене. Но тому, кто не желает идти на уступку иллюзии, в глаза сразу бросится закулисная механика праздника, плохо отлаженная, неуместная и нарочитая. В *Опере Венера* скользит по небесному своду — Мабли же замечает, что «колесница очень тяжела, Венера дрожит, а Амуры держатся так скованно, что я поневоле смеялся, хоть и ожидал какой-нибудь ужасной катастрофы»⁶. Равным образом и чудесные костюмы подобного представления уже не доставляют никакого удовольствия тем, кого отталкивает от переодеваний и масок двойственное чувство — сословный страх, смешанный с эстетическим отвращением; великолепие оставляет их равнодушными. XVIII век видит в фейерверках лишь пиротехнические ухищрения, деньги, без толку пущенные на ветер.

Итак, детская любовь к мечте исчезла. Отчеты о революционных праздниках будут вскользь, где-то на втором плане упоминать о «не имеющих смысла» церемониях Старого порядка — и нам следует понимать этот эпитет буквально. На одного Дидро, восхищающегося ритуалами праздника Тела Господня, приходится гораздо больше Мармонтелей, которые, всерьез опасаясь умереть от смеха, уклоняются от участия в процессии в Экс-ан-Провансе, не меньшее число Буленвилье, в недоумении застывающих при виде карнавальных великанов в Дуэ, и Вольтеров, едко высмеивающих фламандские рождественские традиции⁷. По всей видимости, рассказывать о народных праздничных обычаях можно было, подчеркивая либо их странность и нелепость (но без всякого любопытства, поскольку грядущее вымирание обрядов не вызывало у

⁶ *Mably*, Lettre à Madame la Marquise de P... sur l'Opéra. Paris: Didot, 1761.

⁷ *Voltaire*, Dictionnaire philosophique. Paris: Garnier, 1954: «Вот каким представлением был отмечен в некоторых городах праздник Рождества. Сначала появлялся полунагой молодой человек с крыльями на спине; обращаясь к молодой девушке, он произносил: „Ave Maria“, и т. д., она отвечала ему: „Fiat“ [Да будет так — лат.], после чего он целовал ее в губы; затем ребенок, сидевший внутри большого картонного петуха, кричал, подражая петушину пению: „Puer natus est nobis“ [Отрок нам родился — лат.]».

людей той эпохи ни мягкой грусти, ни ностальгии, ни даже ученых замечаний), либо варварство: народный праздник — это бессвязный грохот котелков и совков для угля; толпа, наводняющая улицы и площади; дикие увеселения вроде стрельбы по птицам или разрывания гуся; глухая угроза, таящаяся за масками; отвратительные драки, которые народ устраивает из-за бросаемых ему хлебов или колбас. Иными словами, это кипящая стихия, которая приводит разум в замешательство или, что еще хуже, «затмевает» его.

А важнее всего то обстоятельство, что традиционный праздник — это вселенная границ и различий. Это касается и придворных, династических торжеств⁸, где порядок чинов и званий расписан с образцовой строгостью, и церковных праздников, в которых религия становится «чванной и деспотичной, чем-то вроде оперы», и шокирует своей кичливостью⁹, и наконец — театрализованных празднеств, которые совмещают в себе пороки всех праздников, превратившихся в зрелища: на протяжении десятков лет архитектурные трактаты обличают театр, где с особенной отчетливостью обнаруживается социальная иерархия и упоение различиями, дистанцией. Согласно Дидро, театр — это «темный уголок»: он неспособен «привлечь к себе внимание всей нации»¹⁰. По мысли Мерсье, пошлость и ограниченность низводят спектакль до уровня «домашней затеи»¹¹ и сообщают празднику, который в идеале должен являть собой незамутненное чудо всеобщего бытия, характер дробный, не передающийся другим, — характер частного увеселения.

В коллективном сознании все изъяны традиционного праздника, «даруемого» народу свыше, искусственного, иерархического, принуди-

⁸ См. замечание из мемуаров г-жи Ролан: «Когда мне доводилось видеть зрелище, которое являла собой столица в дни торжественного въезда в нее королевы или принцев, в дни благодарственных молебнов по случаю счастливого разрешения от бремени особы из королевской фамилии, я с горечью сравнивала эту азиатскую роскошь, эту несносную пышность с нищетой и заброшенностью тупой черни, которая валом валила поглазеть на своих кумиров...»

⁹ Этот вопрос будет подробно освещен Ж.-М. Купе (из Уазы) в трактате «Праздники политические и моральные»: «Остерегайтесь в ваших скромных церковках вспоминать о пышных храмах и позорящем их убранстве; избегайте сей роскоши украшений и позолоты...» (*J.-M. Coupé, Des fêtes en politique et en morale. Paris: Imp. de Baudouin, s. d.*).

¹⁰ *Diderot, Paradoxe sur le Comédien, précédé des Entretiens sur le Fils naturel. Paris: Garnier-Flammarion, 1967.*

¹¹ *L.-S. Mercier, Du théâtre. Amsterdam: E. Van Harrevelt, 1773.*

тельного и в конечном счете несущего гибель, слились в событие, которое стало предвестием грядущего ужаса, — в катастрофе, произошедшей в ходе торжеств по случаю бракосочетания Людовика XVI. Современники не уставали описывать «пламя, охватившее подмостки, возведенные для фейерверков, беспечность городских властей, корыстолюбие злоумышленников, смертоносное движение карет» и рассказывать о том, как «молодая невеста дофина, приехавшая из Версаля по Аллее Королевы, счастливая и сверкающая великолепием наряда, спешившая наслаждаться радостью всего народа, уехала растерянная и подавленная, с глазами, полными слез, преследуемая сим ужасным зрелищем, не в силах забыть вопли умирающих». Хотя в этой сцене многое прибавлено от мемуаристики¹², она все же дает наглядное представление о том, что просвещенные умы с негодованием отвернулись от праздников.

Так что же — праздники больше не нужны? Такое утверждение, пожалуй, чересчур поспешно. Даже приверженцы экономического рационализма, которые потирают руки при очередном «ограничении», «урезании» (пусть понемногу, говаривал в таких случаях маркиз Мирабо, да зато наверняка), и те видят выгоды праздников. Праздники организуют время и образуют костяк повседневной жизни. Они, как это ни странно на первый взгляд, служат гарантией благонравия, ибо дозволенные ими излишества — это временная отмена жесткой упорядоченности и строгости, не позволяющая необузданной стихии захлестнуть размеренный ход будней и жизни в целом. Они мощным усилием скрепляют людское сообщество, пуская в ход идею примирения и теплоту совместной трапезы, где все имеет свою цену: рождественские каштаны, запеченный в крещенском пироге боб, крашеные яйца на Пасху, первые фрукты, поспевающие к Троице. И наконец, не будь яркой череды праздников, жизнь предстала бы тем, чем она в действительности является: «бесформенным и безжизненным обрубком». А значит, тому, кто считает себя Другом Людей¹³ — а в ту эпоху все почитали себя таковыми — праздники необходимы.

* * *

Когда-то, давным-давно, праздники были иными. В незапамятно далекие дни праздник походил на договор без условий и статей, о кото-

¹² *Madame Campan, Mémoires sur la vie privée de Marie-Antoinette. Paris: Baudouin frères, 1822.*

¹³ *Marquis de Mirabeau, L'Ami des Hommes. Avignon, 1756—1760.*

ром писал Руссо в «Опыте о происхождении языков», на «счастливейший век, когда часы летели незаметно»¹⁴. Тогда время не ведало расписаний, а праздник был свободен от границ и разделений и почти не был связан со зрелищем. В ту изначальную пору участники праздничного собрания чувствовали себя выше и счастливее просто оттого, что оказывались вместе. Это был доисторический, первичный, ничем не замутненный праздник, к которому, в сущности, и следовало бы вернуться. Увы! Представление о нем, казалось, было утрачено.

Но, по счастью, не полностью. С обычаев Древней Греции и Рима был только что «сдернут покров»¹⁵, и хотя традиции древних народов, как подчеркивал Кур де Жеблен, сами по себе суть бледный отпечаток более ранней и потому более истинной мифологии, все же их близость к истокам позволяет принять их за образец. Коллективное воображение эпохи дорисовывает убогие нынешние праздники, переносясь в ту Грецию, национальные обычаи которой аббат Бартелеми предлагает в 1788 году французам в качестве модели, или в тот Рим, где, согласно Бернардену де Сен-Пьеру, вручение гражданам лаврового венка поощряло рост добродетелей. Жажда новых празднеств обращена не только в будущее французского народа, но и в его прошлое. Время растягивается между двумя направлениями: прямым и ретроспективным. Человек эпохи Просвещения шагнул на сцену Революции, нагруженный античными образами колесниц, атлетов, гимнастических состязаний, пальмовых ветвей и венков.

Впрочем, если экзотизм времени теряет новизну, век-путешественник начинает требовать пищи для своих мечтаний у пространства. Датчане, как пишет аббат Малле, в глуши лесов, на возвышенных религиозных праздниках поклоняются Богу, уже именуемому «Верховным Существом»¹⁶; Мирабо замечает, что китайцы изобрели символические праздники, где сам император благоговеино склонялся «перед плугом-кормильцем»¹⁷ (такой же ритуал приписывался и коренным жителям Перу), — об этих торжествах впоследствии вспомнят творцы революци-

¹⁴ J.-J. Rousseau, *Essai sur les origines des langues*. Genève, 1781.

¹⁵ См.: N. A. Boulanger, *L'Antiquité dévoilée par ses usages, ou Examen critique des principales opinions, cérémonies et institutions religieuses des différents peuples de la terre*. Amsterdam: M. M. Rey, 1766. [Имеется в виду знаменитое сочинение Никола Буланже «Античность как она есть (буквально — „без покрова“), в ее обычаях...», вышедшее в свет после смерти автора. — *Примеч. перев.*]

¹⁶ P. H. Mallet, *Introduction à l'Histoire du Danemarck*. Genève, 1763.

¹⁷ Mirabeau, *Travail sur l'éducation publique, trouvé dans les papiers de Mirabeau l'aîné, publié par Cabanis*. Paris: Imp. nat., 1791.

онного праздника Сельского хозяйства. Цивилизованные народы Нового Света, по утверждению Мабли, не утратили связи с первопринципами Природы; они способны, как считает Рейналь, во второй раз обновить мир; у них, напоминает Грегуар, есть свои гражданские праздники и деревья свободы — точка притяжения для охваченных праздничным восторгом людей¹⁸.

«Простые обитатели счастливой Швейцарии» живут и вовсе неподалеку; у них есть праздники виноградарей и праздники военные, о которых Ж.-Л. Молле с восторгом сообщил Руссо 10 июня 1761 года. Его восхитило не только само зрелище (в Женеве незадолго до этого были введены строевые упражнения на прусский манер) того, как 500 человек торжественным маршем проходят перед 12 000 зрителей, но и братское слияние людей, с этим связанное: «На каждом перекрестке давала себя знать кипевшая ключом всеохватная радость; все дела были отложены; люди хотели наслаждаться обществом друг друга, и только; все лица были оживлены улыбками, все были приветливы и утонченно любезны; если бы у слова «инфекция» имелся положительный смысл, то я сказал бы: инфекция всеобщего дружелюбия заразила всех членов общества». Руссо с удовольствием прочитал этот отчет и в ответном письме выразил такое пожелание: «Пусть среди нас возродятся сии вкусы, игры, сии патриотические праздники, кои образуют единое целое с нравственностью и добродетелью; в них участвуешь с воодушевлением, вспоминаешь о них с наслаждением»¹⁹.

¹⁸ Майские деревья распространились в Америке, начиная с 1765 года, и были одним из средств борьбы с английским владычеством: на них расклеивались объявления, плакаты и карикатуры. Как свидетельствует стихотворение Томаса Пэйна, опубликованное в 1775 году и пользовавшееся широкой популярностью, к этому времени они превратились в деревья свободы:

The fame of its fruit drew
 The nations around
 To seek out this peaceable shore
 Unmindful of names and distinctions
 They came,
 For freemen like brothers agree
 With one spirit endued
 They one friendship pursued
 And their temple was Liberty tree.

¹⁹ Correspondance complète de J.-J. Rousseau, tome IX. Genève: Institut et Musée Voltaire, 1969.

Но так ли уж необходимо пускаться в странствия — пусть даже сравнительно недалекие? И во французской деревне, прибежище неяркой экзотики, внимательный взгляд может отыскать праздники, способные послужить образцом и при этом не требующие обременительных путешествий. Мало сказать, что пасторальный роман, в горниле которого в ту эпоху закалилось такое множество чувствительных душ, рассказывает, среди прочего, и о празднествах — он представляет собой один сплошной праздник. В «Галатее» Флориана содержится буквально все, что перекочет затем в арсенал революционных торжеств: сообщество радостно работающих граждан, несомненный предвестник ликующей толпы, которая в 1790 году будет трудиться на Марсовом поле; физические упражнения молодых и здоровых людей (они впоследствии отражаются в гимнастических праздниках эпохи Директории); накрытые под сенью густолиственных деревьев столы, которые войдут в традицию «гражданских трапез». Похороны генералов Гоша и Жубера, в свою очередь, станут слепком с пастушеских погребальных обрядов, описанных Флорианом; здесь также будут кипарисовые венки и пастушьи посохи, в знак траура обвитые пучками черных лент. Очень многие в XVIII столетии полагали, что пасторальный роман, который, как нам кажется сейчас, в принципе не связан с народными обычаями и является чистым образчиком эскапизма, повествует о реальной, зримой действительности. Карамзин с фактографической точностью рассказывает о празднике девичьей добродетели в Сюрене²⁰; это аллегория равенства, наконец-то обретшая воплощение. Ведь он замечает, что нарядно одетые сюренские крестьяне, нахваливающие местное вино и добрые нравы своей деревушки, смело танцуют с парижскими дамами, кои «всегда любопытствуют видеть невинность так близко от Парижа». В 1785 году г-жа Жюльен²¹ подробно пишет своему десятилетнему сыну (это Марк-Антуан Жюльен, который впоследствии приобретет известность как Жюльен-сын) о сельском празднике, где всего в избытке: и совместного труда (сбор винограда в большую корзину), и чистого кипящего веселья (танец на лужайке). Мать сокрушается, что мальчик не видел этих сцен своими глазами и не получил урока радости. Ла Ревельер-Лепо вспоми-

²⁰ *Karamzine, Voyage en France, 1789—1790 // Revue de la Révolution, 1884.* Русский текст см.: *Карамзин Н. М. Письма русского путешественника.* Л., 1984. С. 273.

²¹ *E. Lockroy, Journal d'une bourgeoise pendant la Révolution.* Paris: Calmann-Lévy, 1881.

нал, что свадьба одной его родственницы, сыгранная в деревне, показала ему образом, залетевшим в современность из далекого прошлого. Здесь было слито воедино все, чего можно требовать от праздника: красота без суетного блеска, изобилие, не переходящее в расточительство, взаимная открытость и, наконец, «благопристойность, чтимая и в пылу бурной радости, и среди оживленнейших наслаждений»²². Подобные впечатления так сильно воздействуют на восприятие мира в целом, что впоследствии революционные праздники многим покажутся реминисценциями из их собственного прошлого. Люди, сформировавшиеся в эпоху чувствительности, будут упорно воскрешать героев своих воспоминаний (доброе друга, преданного сына, любящую мать, помещика-благодетеля, великодушного священника), их обстановку: несколько бочек, стоящих в глубине риги, наполненные цветами корзины, целый лес непрременных пальмовых ветвей, их фон — сияние земного рая.

Однако все это — отрывочные, бессвязные образы праздника, подобные тем, что остаются от путешествия. Ни в одной эпохе, ни в одной стране праздник не обладает всеми теми чертами, которые столь дороги человеку XVIII века; нигде не найдешь системы праздников, скрепляющей и поддерживающей бытие в целом. Обрести идеал можно только в утопическом государстве, куда в ту пору люди отправлялись сплошь и рядом. Жителям этих безмятежных уголков, где жизнь, труды и удовольствия отличаются умеренностью, совершенно незачем устраивать какие-то особые торжества. Здесь и в самом деле нет нужды забывать об обыденности: дни, похожие друг на друга, все до одного должны быть праздничными, ибо этот мир лишен как конфликтов, так и движения. Но в утопии все же есть свои праздники, и их немало. Прежде всего следует учредить торжество в память о некоем основополагающем событии, созидательном разрыве с прошлым, благодетельном крушении. К этой ключевой (и, пожалуй, единственной) памятной дате утопической истории, безусловно заслуживающей ознаменования, примыкают воспоминания о героических поступках, полезных изобретениях; великим людям благодарная утопия посвящает новые праздники. Есть, кроме того, череда времен года, ключевые моменты которых (начало и завершение больших сельскохозяйственных работ) необходимо отмечать; наконец, все события частной жизни, бракосочетания и кончины, в прозрачном мире братолюбивой утопии становятся значимы для общества в целом. Отсюда множество поводов для торжества.

²² *La Révellière-Lépeaux, Mémoires*. Paris: J. Hetzel, 1873.